

ОБЯЗАНА ЛИ СМОКОВНИЦА ПРИНОСИТЬ ПЛОДЫ

Ответы на вопросы Открытых встреч

— *Непонятна евангельская притча о смоковнице. Разве обязательно ей приносить плоды, ведь она хороша сама по себе, радуя глаз человека. Зачем было её губить из-за отсутствия плодов?*

Свящ. Георгий Кочетков: Если эта смоковница растёт у вас на огороде или где-нибудь в саду то, конечно, не стоит губить её из-за отсутствия плодов. Но если она центральный образ притчи — это ситуация совсем другая. Ведь смысл этой притчи в том, чтобы поговорить о плодотворности христианской человеческой жизни, и поэтому здесь без плодов никак не обойтись. О том, что человек гибнет, когда не приносит плода, что он теряет всё, когда закапывает в землю талант, — об этом говорить стоит. Вникните сами в свою жизнь, посмотрите, что происходит, когда вы теряете впустую время, силы, средства, когда жизнь проходит не поймёшь как, когда вы, действительно, можете сказать о себе, что вы бесплодны. Если вы бесплодны, то, наверное, испытываете большой дискомфорт, потому что чувствуете, что жизнь уходит впустую, все, что вы гибнете. Вот о чем эта притча. А законы притчи позволяют говорить о гибели — и даже о гибели не только смоковницы, но и людей, если они оказались персонажами этой притчи. И когда говорится, что необходимо предать злой смерти кого-то — тех виноградарей, что не пустили сына хозяина виноградника к себе для сбора плодов или же тех, что отказались прийти на брачный пир — то при этом не имеется в виду, что надо кого-то убивать или истреблять буквально. Смысл этих притч прежде всего в наставлении: делайте то, что Бог велит, в чём есть сила духа, что может принести достойный плод.

— *У меня есть икона Сергея Радонежского, на которой написано: «Святой угодник Божий Сергие, моли Бога о нас». Значит, Сергей Радонежский — посредник между Богом и мною?*

О. Георгий: В каком-то смысле нет, в каком-то смысле да. Это зависит от вас, от того, как вы сами это ощущаете и чувствуете. Если вы подходите к своей матери и просите: «Мамочка, пожалуйста, помолись за меня, у меня сегодня важное дело (или: я плохо себя чувствую)», как вы ощущаете свою мать, — как посредницу между Богом и собой или просто как друга, который вам в чём-то помогает — и духовно, и по-человечески душевно, своим словом и делом? Если вы думаете, что это вопрос посредничества, ну, пусть будет посредничество, а если вы думаете, что это не вопрос посредничества, то тогда всё обретает новые краски и новые черты. Надеюсь, что ваши мысли ближе ко второму случаю.

— *Зачем подавать записки в церкви, если никто не знает людей, имена которых записывают?*

О. Георгий: Записки в церкви подаются для молитвы, это же самое ходатайство. Конечно, лучше всего знать людей, тогда молитва о них становится более осмысленной и более личной, и значит, более сильной и глубокой. Но вы же не всегда просите помощи для себя и для своих друзей у тех,

кто хорошо знает ваших друзей или вас. Иногда можно попросить и людей не очень хорошо знакомых, просто рассчитывая на их доброту. Вот то же самое и здесь. Сила молитвы может действовать и тогда, когда кто-то молится, не зная людей, хотя, повторяю, я лично считаю, что лучше знать. Но если вас это смущает, можете не подавать записку и читать её сами. Помните об этом церковном правиле, и всё у вас будет благополучно.

— *В молитве «Отче наш» есть слова: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Что значит прощать? Дело в том, что мне некоторые люди должны деньги и не отдают. Я должен их простить?*

Притча о бесплодной смоковнице. Елена Черкасова. 2000 г. Холст, масло.

О. Георгий: Если вам кто-то должен деньги и не отдает, вы можете поступить по-разному. Можете простить — просто забыть об этом, считать, что вы пожертвовали свои деньги — а можете поступить по-другому, считая, допустим, что вы не можете прожить без этих денег, или что справедливость в данном случае важнее. По справедливости надо отдавать. Можно требовать, можно, в конце концов, подать в суд. И вы не согрешите, если это сделаете. Здесь многое зависит от того, как в том или ином случае проявляется воля Божья, где она лучше проявляется. Потому что в одних случаях, действительно, людям лучше оказать милосердие и с них ничего не требовать, а в других — наоборот, чтобы их не развращать, чтобы не попустительствовать злу, надо с людей спросить, почему они не выполняют свои обещания, почему они не делают то, что должны по чести и совести делать. Так что решение этого вопроса — за вами.

— *Вот некоторые говорят, что нужно уметь отделять человека от его греха. Но возможно ли это? Ведь человек и его грех — это нераздельное целое.*

О. Георгий: Правильно говорят. Ведь не случайно сказано Достоевским: «Люби человека и в грехе его». Святые отцы говорили: «Не люби грех, но люби грешника». Другое дело, что, действительно, отделить одно от другого невозможно. Но как невозможно? Невозможно в каком-то физическом смысле. А в духовном — можно. Можно любить человека, даже если ты точно знаешь, что он грешник, и даже, может быть, тяжёлый грешник. Более того, всем известно, что к грешникам иногда возникает куда более глубокое чувство сострадания, милосердия, а то

— *Как могло случиться, что Бог всё израильский народ в землю обетованную для того, чтобы были уничтожены другие народы, проживавшие в этой земле? Справедливо ли это?*

О. Георгий: Все вопросы, касающиеся Ветхого завета — это вопросы, требующие специального подхода. В центре Ветхого завета — полученное израильским народом откровение от Бога о том, что Бог один, что Он один — Творец Неба и Земли, что Он, Бог Авраама, Исаака и Иакова — живой, истинный Бог, Которого надо слушаться. Другие народы такого откровения в то время ещё не получили. Они были язычниками. Поэтому в Ветхом завете откровенно говорится: для того, чтобы вы не развратились, нужно предать заклятию и людей, и скот, и имущество тех народов, землю которых вы заселяете, выйдя из Египта. Конечно, если смотреть на эти отношения с современной точки зрения, с точки зрения политической и социальной справедливости, это несправедливо. Но Библия здесь показывает только одно: что надо сохранить веру в единого Бога, и что эта ценность абсолютная, большая, чем любое приобретение. Всё остальное описывается в духе нравов того времени. Так, как поступали израильтяне, поступали бы и другие народы. Так было принято в то время. Я думаю, что и в наше время есть много таких вещей, которые, может быть, через пять-сот лет будут казаться страшной дикостью, и люди будут спрашивать: «Как же они могли так поступать, так думать, так делать?» Что делать, люди сильно меняются и они далеко не совершенны. Так было и в древности.

— *Как научиться прощать не всех, а одного?*

О. Георгий: Прощать — значит исправить отношения, выправить то, что искривилось, извратилось, пошло не по верному, а по греховному, злему пути. Поэтому прощать всегда трудно. И всех прощать трудно, а конкретного человека, если он тебя сильно обидел, если он сильно, тяжко пред тобой согрешил — ещё труднее. Всех прощать бывает иногда легче, потому что как бы отвлекаешься от тех конкретных тяжких последствий грехов, которые в этом случае не видны. А вот когда речь идёт о конкретном человеке, видишь, прежде всего, последствия греха.

Хорошо бы мы всегда видели последствия грехов — и всех, и одного. Тогда бы мы, во-первых, стремились быстрее прощать, и прощать до конца, а во-вторых — мы бы поняли, что простить можно только тогда, когда имеешь к человеку любовь, когда имеешь веру в человека — в то, что он может исправиться, и в то, что силой духа, силой добра, и света, и любви, и веры, человек может, действительно, творить чудеса и в себе, и вокруг себя. Поэтому набирайтесь этой силы веры, любви и благодати, набирайтесь милости, потому что Господь милостив, и вы увидите, что прощение каждого человека — это великая благодать, которая за собой влечёт множество добрых плодов не только для вас, но и для всех вокруг вас.

«ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАРТИРОЛОГ»

В Петербурге в течение многих лет выходит в свет многотомное издание «Свидетельств и архивных документов, рассказывающих о судьбе жертв репрессий советского времени, о местах их захоронения». Сегодня, в год семидесятилетия волны репрессий 1937-1938 гг., мы публикуем фрагменты из Ленинградского мартиролога. Может быть, только такие документы и могут пробудить память об обыденности и повседневности того вездесущего зла, память о котором мы и сейчас носим в себе. Эта память до сих пор живет в нас как инстинктивный страх, не дающий всерьез и с ответственностью говорить когда-то смертельно опасную правду...

**Наталья Одинцова
НА ПРЕОБРАЖЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ
ПО НОЧАМ ЗАКАПЫВАЛИ РАССТРЕ-
ЛЯННЫХ**

(печатается в сокращении)

В то время я отвечала за рубрику «История репрессий» в редакции газеты «Вечерний Петербург» и получила письмо от 85-летней Веры Алексеевны Тимофеевой.

«В декабре 1937 года кладбище было закрыто для посещения на трое суток, — писала Вера Алексеевна, — и жилище в ближайших домах были предурезаны об этом. Слышали, как шли машины три ночи — на 27, 28 и 29 декабря. К Новому году всё было конечно и убрано. Место, где закапывали расстрелянных, находится в 5 минутах ходьбы от церкви военной в честь Александра Невского, где отец мой, ее настоятель о. Алексей Чужбовский отделил последнюю службу вечером 3 декабря 1937 года. В ночь на 4 декабря он был арестован...»

Мы встретились с Верой Алексеевной и побывали на кладбище. Здесь, в доме для служащих кладбища, прошли ее детство и юность. После замужества в 1930 г. она переехала в другой район города, но часто бывала у своих — отца, матери, сестры Раисы и ее мужа.

Вера Алексеевна рассказала, что начиная с 1920-х годов на Преображенском кладбище ногами привозили расстрелянных и тайно закапывали.

В декабре 1937 года арестовали ее отца. А вскоре, в одну из предновогодних ночей, когда кладбище было закрыто для посещения, могильщик Иван Богомолов среди привезенных трупов опознал тело о. Алексея, оттащил его в сторону и похоронил. Могильщик рассказал об этом сестре Веры Алексеевны и взял с нее слово молчать.

Эти ночи врезались в память всех окрестных жителей яркой иллюминацией. Говорят, что ночью мгла рассеивали облитые бензином и подожженные деревья. Уже после войны спилили их обугленные стволы.

Сестры отдели отца заочно. Никому, даже родным, не говорили о тайном захоронении. А табличку с именем отца Вера Алексеевна осмелилась установить только на семейной могиле, в начале 1990-х.

...Кажется совершенно невероятным, но воспоминания Веры Алексеевны Тимофеевой подтвердил... ее отец. Выяснилось, что одной из причин ареста священника было «распространение клеветнических слухов» о том, что на кладбище хоронят расстрелянных. Впрочем, сначала за это была арестована 74-летняя Александра Петровна Николаева, торговавшая на кладбище искусственными цветами и венками.

Александру Петровну расстреляли 18 декабря, батюшку — десятью днями позднее, 28 декабря. Может быть, их последние молитвы были о том, чтобы гибель их не осталась безвестной для близких.

Судя по всему, тело о. Алексея привезли на кладбище в ночь на 29 декабря — последнюю из трех ночей жуткой «акции». 28 декабря стал последним днем расстрелов в Ленинграде в 1937

году. В этот день были расстреляны 250 человек, и все они могли быть похоронены на кладбище «Памяти жертв 9 января».

Погода в те дни была мрачной: сплошная облачность с временными просветами, видимость плохая. Минус 7–10. Может быть, потому и не возили расстрелянных в Левашово. Новый 1938 год начался снегопадом и метелью.

ДЕЛО ЦВЕТОЧНИЦЫ НИКОЛАЕВОЙ

(обзор подготовил А. Разумов)

29 ноября 1937 г. в дом Александры Петровны Николаевой пришли с обыском. Искали подтверждение «контрреволюционной агитации» на Преображенском кладбище, изыски семейную переписку: 2 открытки и 4 письма.

Николаеву доставили в следственную тюрьму на Арсенальную, 5, и сразу же, без предъявления обвинения, ее начал допрашивать начальник 2-го отделения 2-го (оперативного) отдела УНКВД ЛО старший лейтенант госбезопасности Васильев. Выяснил анкетные сведения: возраст — 74 года; образование — два года духовной школы;

до 1903 г. была на иждивении мужа, токаря Обуховского завода, после его смерти жила на доход от двухэтажного дома и подрабатывала портнихой, с 1925 г. находилась на иждивении дочери, с 1935 г. изготавливала искусственные цветы и продавала их на Преображенском кладбище.

Затем последовал безостановочный, так называемый «конвейерный» допрос — о разговорах вокруг Преображенского кладбища, о тайных захоронениях расстрелянных. Протокол — Николаева не названа в нем ни обвиняемой, ни свидетелем — оформлен четырьмя датами: 29 и 30 ноября, 1 и 4 декабря, подробно и достаточно грамотно записан.

Других протоколов допросов Николаевой в ее архивно-следственном деле нет.

Есть протоколы допросов нескольких свидетелей. Трое из них — соседи по дому. Протоколы их допросов (от 2 и 7 декабря) составлены рядовыми следователями в обычных выражениях. Соседи охарактеризовали Николаеву как «бывшую домовладелицу», «очень религиозного человека», «антисоветски настроенную», «не подчиняющуюся никаким правилам жакта» и т. п. Один из соседей как будто бы заявил: «Конкретных антисоветских высказываний от Николаевой А.П. я не слышал, но предполагаю, что Николаева А.П. классово-чуждый элемент и выражает в себе недолюбовство к советской власти».

2 декабря Васильев обратился с рапортом на имя заместителя начальника УНКВД ЛО майора госбезопасности Состэ: «Прошу Вашего распоряжения арестовать гр-ку НИКОЛАЕВУ Александру Петровну, 1863 г.р., проживающую в д. Мурзинке, дом № 31, кв. 3, торгующую венками на Преображенском кладбище и занимающуюся систематической злостной к.р. агитацией среди гр-н, посещающих кладбище».

Состэ обратил на рапорт особое внимание и 8 декабря наложил собственноручную резолюцию: «Арестовать и дело передать на тройку».

Видимо, только после этого выписан ордер на арест Николаевой (выписан в декабре, но не датирован). «Анкета арестованного Николаевой» заполнена сотрудником госбезопасности 9 декабря.

В деле Николаевой нет постановления об избрании меры пресечения и предъявления обвинения. Обвинительное заключение, подписанное Васильевым и начальником 2-го отдела капитана госбезопасности Бойшовым, также не датировано и никем не утверждено. Дело «передали на тройку» по указанию Состэ.

В протоколе заседания Особой тройки УНКВД ЛО от 15 декабря 1937 г. значится, что «Николаева А.П., торгую вен-

ками на Преображенском кладбище, систематически среди крестьян» приходящих на кладбище, распространяла злостные провокационные к.р. слухи. Вела террористическую пропаганду против руководителей ВКП(б)».

Акт о расстреле Николаевой датирован 18 декабря 1937 г.

Где она захоронена — неизвестно.

8 августа 1989 г. — реабилитирована. Ст. лейтенант ГБ Николай Анисимович Васильев был уволен 29 декабря 1938 г. в связи с арестом.

Капитан ГБ Виктор Иванович Бойцов до Ленинграда служил в личной охране Сталина. Арестован 7 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 8 мая 1939 г. осужден на 15 лет ИТЛ. Умер в лагере в 1940 г. Реабилитирован.

Маргын Янович Состэ до 16 апреля 1937 г. был начальником Административно-хозяйственного управления УНКВД ЛО, т. е. ведал, кроме прочего, расстрелами и захоронениями трупов. Затем стал пом. начальника УНКВД ЛО, 26 мая получил звание майора ГБ, а 7 июля 1937 г. стал зам. начальника УНКВД ЛО. Может быть, это продвижение было связано с подготовкой к репрессивной операции. Состэ был арестован 18 апреля 1938 г. и обвинен в шпионаже в пользу латвийской разведки. 5 мая 1938 г. его убили на допросе в Лефортовской тюрьме в Москве бывший сослуживец по УНКВД ЛО капитан ГБ Кучинский, сам впоследствии арестованный. Состэ реабилитирован.

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЧУЖБОВСКИЙ

Жизнь и смерть моего прапрадеда долгое время были покрыты непроницаемой завесой. О его жизни нам и сейчас мало известно, обстоятельства же его смерти, благодаря работе авторов настоящего издания, стали достоянием истории.

В семейные традиции по вполне очевидным причинам рассказы о судьбе Алексея Андреевича не входили. Я застал в живых одного из его сыновей, Анатолия Алексеевича Чужбовского, моего прадеда, и двух его дочерей — Веру Алексеевну и Раису Алексеевну. Воспоминания о тете Вере весьма скупы: в нашем доме она бывала не очень часто, обычно по праздникам, и мне, маленькому ребенку, привозила всякие сласти. Раису Алексеевну я даже не помню. Судьба дедушки Толи была исковеркана именно в силу столь «тяжкой» наследственности — сына священнослужителя увольняли с работы такое множество раз, что в конце концов даже дома историю семьи пытались забыть. Однако это не помешало сохранить семейные реликвии — лишь то немногое, что осталось и поныне кроме скудных воспоминаний. Несмотря на все тяжести войны и блокады, каким-то чудом остались целы фотографии — отец Алексей со своей женой, со своими детьми, со своей церковью на Преображенском кладбище... И поныне в семейном архиве хранятся церковные грамоты. Сохранился даже служебник и толкование Евангелия, подаренное отцу Алексею 10 апреля 1907 г. священником А. Стратовым.

Удалось избежать казалось бы почти неизбежного — забвения...

Кирилл Леонидович Чужбовский,

ДЕЛО СВЯЩЕННИКА ЧУЖБОВСКОГО

(обзор подготовил А. Разумов)

Отец Алексея арестовали в ночь на 4 декабря и доставили во внутреннюю тюрьму УНКВД ЛО.

(Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения составлено в 4-м (секретно-политическом) отделе УНКВД ЛО — специалистами по борьбе с «церковной контрреволюцией»; оперуполномоченным 11-го отделения сержантом госбезопасности Миничевым, начальником отделения лейтенантом госбезопасности Поляковым и начальником отдела капитаном

Фото из семейного архива:
о. Алексей Чужбовский с женой.

госбезопасности Карповым. 3 декабря постановление утвердил зам. нач. УНКВД ЛО Шапиро, в тот же день арест был санкционирован Военной прокуратурой ЛВО.

Арестовали его по обвинению в шпионаже. Судя по справке, подшитой к делу цветочницы Николаевой, Чужбовский был «намечен к аресту по делу польской шпионской организации церковников». Но не случайно в деле Николаевой оказался эта справка, а в деле Чужбовского — выдержка из протокола допроса Николаевой от 4 декабря.

Скорональный арест Чужбовского был связан с делом о Преображенском кладбище. Первые же, после анкетных, вопросы следователей — о разговорах про тайные захоронения на кладбище (протокол датирован 8 декабря). 14 декабря Чужбовскому предъявили официальное обвинение в шпионаже. А в «призательном» протоколе допроса от 17 декабря идет речь — не о шпионаже, нет — об «антигосударственной преступной деятельности». Согласно неботой фантазии следователей секретно-политического отдела, Чужбовский будто бы показывал: «...я завербовал в созданную мною на кладбище антисоветскую группу священника Надеждина [не арестовывался. — А.Р.] и проводил цветам Николаеву Александру. Я — Чужбовский, Надежин и Николаева систематически среди местного населения и прихожан вели контрреволюционную агитацию и пропаганду. Мы восхваляли фашизм и его мощь с целью посеять неверие в наши силы и создать панику на случай войны».

21 декабря к делу Чужбовского механически присоединили дела его знакомцев — о. Михаила Аннинского, о. Ивана Александрова и о. Алексея Васильева. Получилась небольшая «контрреволюционная организация церковников». Шпионить не шпионили, но «неоднократно участвовали на антисоветских собраниях, на которых подвергали контрреволюционной критике мероприятия ВКП(б) и Сов. власти [...] критиковали новую конституцию и вели работу, направленную к срыву выборов в Верховный Совет СССР».

Обвинительное заключение подписали те же специалисты: Миничев, Поляков и Карпов.

Особая тройка УНКВД ЛО 25 декабря вынесла свое решение — всех участников организации расстрелять. Сама организация упоминается в более внушительном виде — как «контрреволюционная повстанческая» во главе со священником Федором Боголюбовым (уже расстрелян — 14 декабря).

Акты о расстреле Чужбовского, Аннинского, Александрова и Васильева датированы 28 декабря 1937 г.

Отец Алексея Чужбовского реабилитировали 7 июня 1989 г.